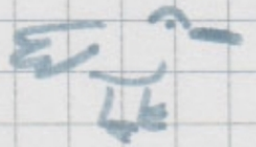

А. Самороднишкая

"В голове"

Диктант - сочинение

Ты поцелуй с Дашкой
Но не целуйся Дашкой
Хорошо в фигуру -
Но сейчас в фигуру

De mortis aut bene,
aut nihil nisi veru

2020 год

Анна Самородницкая

В голове

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Самородницкая А.

В голове / А. Самородницкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга – сборник рассказов. Веселых и грустных, бытовых и далеких от жизни. Все они – о людях, и о том, что же у них творится в голове.

© Самородницкая А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Дождливо	5
Ничего кроме	7
Пленэр	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дождливо

В трех километрах от станции – деревенька Воронцовка. Часть людей живет здесь круглый год, а часть – приезжающие с мая по октябрь дачники. Вопреки сложившимся стереотипам и догмам взаимоотношений между городскими и деревенскими, все здесь уживаются мирно. Наверное, это потому, что здесь уже не одно, не два и даже не три поколения дачников сменилось, и все друг друга чересчур хорошо знают. Это иногда может утомлять.

Названия улиц неестественно-литературные, хотя в округе не было ни одного дома-музея. Выбор писателей весьма экстравагантен: улицы Введенского, Бунина, Пастернака, Синявского-Даниэля и прочие. Откуда в обычной деревне такие названия улиц, никто не помнил, да и не придавал им никакого значения. Как говорится, наше все – Пушкин, остальные приложатся. Поэтому, например, пенсионерка Валентина Александровна, высадившая перед своим забором кусты черной и красной смородины, чтобы все местные дети могли поесть, когда пробегают мимо, живет на улице Ахматовой. А на улице Булгакова живет шумная многодетная семья Рыбешковых, в чей состав входит шестеро детей, пересекающих по поселку на старых тяжелых советских велосипедах, с набором инструментов в кожаных сумках, висящих на рамах. В самом конце же улицы Аксенова расположен участок, одним своим краем прилегающий к темному высокому хвойному лесу, а другим к очень быстрой холодной и мелкой речке – любимице пиявок. На участке живут дачники Чуфистовы. В основном там живет бабушка Ирина Владимировна, дедушка Павел Дмитриевич, мальчик Руслан и собака не обозначенной на морде породы Луша.

Иногда к ним еще приезжают родители Руслана. Мама Оля стирает белье и варит компот, который не нравится бабушке либо потому, что слишком кислый, либо потому, что слишком горький. Настроение бабушки Иры вообще частенько зависит от влияющих на нее тенденций диетологии и здорового образа жизни, вернее от того, влияют они на нее или нет. Папа Саша обычно берет газонокосилку и косит участок, после чего он курит и выслушивает упреки бабушки Иры, потому что нечаянно скошил высаженные хаотично и без каких-либо опознавательных знаков травки, которые не сорняки, а для души. Иногда упреки папе Саше надоедают, и он уходит к дедушке Паше в сарай, где они долго что-нибудь строгают, после чего у Руслана появляется деревянный меч или лошадка. Руслану вообще не очень интересны ни компот, ни газон. Он предпочитает гулять с Лушей и играть с ребятами.

Бывало, они с Лушей уходили дальше, чем разрешала бабушка – к заброшенной водокачке. Она виднелась в конце огромного, как казалось Руслану, поля, заросшего злаками и кустарниками. Почему-то ему очень хотелось к этой водокачке попасть.

В один из июньских дней они с Лушей вновь пришли на поле. Они дошли до середины, когда вдалеке послышались раскаты грома, небо потемнело и пошел постепенно усиливающийся дождь. Луша протяжно гавкнула, и они побежали домой.

А дома было очень чудно. Бабушка совсем не ругалась – вернее, она вообще ничего ему не сказала. Бабушка, сверкая из-под ситцевого халатика ногами, бегала из дома в сад и обратно, собирая с веревок белье. На крыльце курил дедушка. Он заметил вернувшихся Руслана и Лушу.

– Вымокли?

– Да, – согласно кивнули Руслан и Луша, причем последняя еще и отряхнулась, да так, что дедушку с ног до головы окатила. Тот смешно зафыркал и велел Руслану идти в дом переодеться, а Луше сперва на крыльце подсохнуть. Та не возражала – забилась подальше в угол, чтобы бабушке под ноги не попасться, голову на лапы выложила и наблюдала.

– Чего стоишь куришь? – напала бабушка на дедушку. Сейчас как отключат электричество, так что мы делать будем?

– Ничего, – согласился дедушка.

И они побежали ставить все, что только можно, на зарядку, пока не отключили электричество. Телефон дедушки, телефон бабушки, планшет дедушки, планшет бабушки, планшет Руслана, электронная книжка дедушки, даже ноутбук, которым почти не пользовались здесь – все было подсоединено к проводам и включено в сеть.

– Мамочки! – вдруг вспомнила бабушка. – Дождь стеной повалит, все посадки на огородах мне перебьет.

– Перебьет, – согласился дедушка.

И они с дедушкой побежали накрывать посадки брезентом. Промокли оба хуже Луши – та как раз просохла и ушла на свой коврик в дом.

– Вот дура я старая! – снова вспомнила бабушка. – Если электричество отключат, как же мы вечером чай пить будем? Нужно термосы залить.

– Нужно, – согласился дедушка.

И она побежала заливать два больших термоса, пока дедушка снова пошел курить.

– Что же это я! – опять вспомнила бабушка. – Чай-то можно было бы на керосинке погреть, а не на плитке электрической. Готовить мы все равно на ней будем.

– Будем, – согласился дедушка.

И дедушка побежал в сарай за керосиновыми баллонами, а бабушка ушла курить на крыльцо.

Руслан с Лушей сдвинули два стула и накрыли их пледом – получилась палатка. Они сидели в ней и слушали дождь. И Руслан думал о том, что завтра он непременно дойдет до водокачки, а Луша – что она когда-нибудь поймает за уши толстого соседского чихуахуа, надменно посматривающего на нее с рук крикливой жеманной хозяйки.

Бабушка с дедушкой переоделись в сухую одежду и сели на террасе, очень собой довольные.

– Ну, – сказала бабушка, – теперь-то нам дожди и грозы не страшны.

Тут дождь и закончился.

Ничего кроме

De mortuis aut bene, aut nihil nisi verum

Профессор Геннадий Артемович Бросков был крупным мужчиной, похожим не то на перекормленного кота, не то на объевшегося хлебом голубя. Его дряблые щеки прикрывались рыжим пушком бороды, маленькие недобрые глаза прятались за стеклами очков, уши плотно прижимались к черепу, а бровей вообще было почти не видно, и казалось, что все его тело пытается куда-то деться, спрятаться, стыдясь самого существования своего хозяина. Хозяин же, кажется, мало чего смущался, уместившись в кресле возле компьютера, с шумом и громким прихлебыванием попивая чай из кружки, которую, зачем-то, аспиранты стащили из поезда.

Напротив него на деревянной скамейке сидела студентка Маркова. Студентка на свою беду умудрилась проболеть лекцию профессора, и теперь была вынуждена прийти на отработку. В коридоре, выложенном белесой с разводами плиткой, делавшей его похожим на больницу, слышались шаги, глупо и неприятно виснувшие в тишине.

В начале семестра Бросков не раздражал Маркову – наоборот, она заслушивалась его рассуждениями о влиянии политики на науку, о значимости векторного исчисления в масштабах вселенной и о важности сохранения названия кафедры; рассказами о своих знакомых учебных и просто бытовыми историями. Вместе с Марковой, будем честны, заслушивалась и вся группа, в особенности немногочисленные девушки. Однако вскоре харизма и артистизм Броскова перестали скрывать нелюбезную истину: почти все семинары и лекции проходили в пространных размышлениях профессора, а в оставшиеся несколько минут он небрежно пролистывал презентацию, посвященную теме пары уже забытой что им, что студентами, и завершал занятие:

«Все это есть у вас в учебниках. До встречи, коллеги».

Еще одним прекрасным качеством Броскова, очевидно и делавшим его незаменимым преподавателем своей кафедры, была его дурная память. Он напрочь забывал о том, что всю предыдущую пару говорил на отвлеченные темы, и каждый раз предполагал, что делает исключение для конкретного занятия. Он, конечно, мог приложить усилие и вспомнить предыдущее занятие, но лишь его тему, и в таких случаях профессор выдавал какой-нибудь любопытный факт, предвещая его словами «как я вам рассказывал на том занятии...». Вскоре эти его манеры и привычки уже вызывали у студентов не интерес, а отторжение, сменившееся безразличием не только к самому профессору, но у многих и к самому предмету.

Маркова сидела напротив Броскова, вцепившись в лежащий на ее коленях учебник как будто тот мог ей чем-то помочь в нынешнем ее положении. Студентке хотелось вскочить и закричать:

«Клянусь всеми мыслимыми и не очень божествами, что, когда мне понадобится теорема разложения покойного Гельмгольца, я приползу на коленях на кафедру и признаю свою глупость; только сейчас, пожалуйста, отпустите меня уже домой».

Духота плохо проветриваемого зимой помещения угнетала и давила на голову, отчего на глаза волей-неволей наворачивались слезы, а голос начинал тошнотворно дрожать. Злобно отказавшись от идеи рыдать в преподавательском кабинете, Таня закончила отвечать на заданный Бросковым вопрос.

– Ну-с, – оценивающе окинул взглядом свой рабочий стол профессор, – это все и так ясно. Хотя вы, студенты, не перестаете меня удивлять своей изобретательностью в путях перевиранья материала. Однако позвольте поинтересоваться, дорогая Татьяна Ильинична, где же ваш конспект?

«Черт», – подумала Маркова и интенсивно захлопала ресницами:

– У меня его нет.

– Так идите и пишите! Чего пришли – не пойму.

Притянув к себе тетрадь, Маркова принялась за конспект, проклиная тот день, когда свалилась с температурой и решила не идти в вуз. Пока она писала, Бросков повернулся к монитору компьютера и, кажется, начал редактировать какой-то текст, возможно статью. Таня не была уверена в том, что это за текст, но была уверена, что сейчас ее как никогда раздражали щелчки мышки и стук клавиатуры. Живот некстати крутило, что заставило ее вспомнить – после завтрака ей так и не удалось за весь день поесть. На столе Броскова, прямо перед ее не очень коротким носом стояла еда, пусть и мало аппетитного вида. В кабинет зашла лаборантка, предложила Броскову сделать чай. Бросков согласился, расплывшись в одной из своих кошачьих улыбок. Тане чаю не предложили.

Она закончила конспект и теперь выжидающе смотрела на профессора. Профессор в свою очередь не поворачивал в Танину сторону голову. Спустя минут десять студентка не выдержала:

– Простите...

– А, уже закончила? Прекрасно, – протягивая гласные сказал он. – Ответьте-ка мне тогда, Татьяна Ильинична, на вот какой вопрос: на что можно разложить векторное поле с помощью задачи о восстановлении вектор-функции по ротору и дивергенции?

Маркова напряглась:

– На безвихревое и вихревое...

– Да? И в чем же их различия?

– Вихревое поле – это то поле, дивергенция вектора которого в каждой точке равна нулю... а у безвихревого нулю равен ротор.

– Ну Татьяна Ильинична, вы же будущий инженер! Послушайте, в учебниках чудовищно устаревшая информация. Возьмите у ваших товарищей конспект лекций и пишите по нему.

«Где я его сейчас возьму? Из тех, кто хоть что-то записывает в это время все офлайн».

– Тогда, видимо, в следующий раз приду?

– Да, в следующую среду приходите. Там как раз не я, а Ольга Васильевна принимать будет. Она, может, будет к вам более жалостлива. Тоже женщина, все-таки, – улыбнулся Бросков, давая понять, что кроме как из жалости нет ни одной причины зачесть Тане отработку.

«Я спустила в унитаз два часа своей жизни, – думала она, покидая корпус. – Час уже как могла быть дома. И на кой черт ему списанный слово в слово чужой конспект, если есть самостоятельно сделанный, над созданием которого я как-никак, а трудилась. Если учебник настолько устарел, зачем мы по нему вообще занимаемся?»

Хотелось не курить, не то кричать, вырывая связки, еще с кабинета Броскова, и Таня с усердием сдерживало противный ком, подступивший к горлу. Был и третий путь выпустить агрессию. Маркова достала из кармана телефон и написала в чат одноклассников о произошедшем, снабжая при этом свои сообщения непечатной лексикой. Выплеснув весь негатив в беседу, она отключила интернет и со спокойной душой надела наушники.

Дома уже на лестничной клетке пахло жареной картошкой. Таня переоделась, съела разогретую мамой еду и ушла к себе в комнату. Она сидела за домашним заданием по аналитической химии около получаса, когда вспомнила о написанном ей. Подключившись к интернету, она открыла чат. Сразу же за ее сообщением висела присланная в беседу запись со стены группы деканата.

Бросков мертв. Он возвращался вечером домой вместе с коллегой по кафедре. Коллега не успела вовремя окликнуть его, и профессор попал под трамвай. Спасти не удалось. Назначен траур.

Ниже под присланной записью одноклассники писали какие-то слова вроде «кошмар», «ужас» и прочего; даже те из них, кто, насколько было известно Марковой, Броскова откровенно недолюбливал. Впрочем, сама Маркова сидела сейчас в состоянии некой фрустрации.

Студентка вышла на кухню. Мама пила остывший чай и заполняла какие-то бумаги, делая вид, что не отвлекается на игравший в ящике сериал. Таня прислонилась к дверному косяку:

– Мам, зачем умирают люди?

Мать подняла уставший, не готовый удивляться взгляд:

– Что?

– Зачем умирают? – повторила она вопрос.

– Ой, ну ты философский вопрос задала. Кончай заниматься, лучше за хлебом сходи. Мозги проветришь заодно.

Снег жалобно похрустывал под ногами, неприветливо приземлялся на волосы и пуховик, таял на щеках. И зачем только люди умирают? Можем ли мы продолжать испытывать неприязнь к человеку после его смерти? Может, свою злобу надо отпускать? Это ведь так нехорошо, некрасиво, неправильно – как ехать в метро, каким бы уставшим ты ни был, и не уступить места пожилому человеку, притворившись спящим. Но что поделать, если умерший вызывал у тебя исключительно негативные эмоции? Что если он был противным засранцем? Хотя это ведь совершенно субъективное мнение – решать, кто засранец, а кто – нет. С другой стороны, объективность вообще штука коварная, неочевидная и вообще относительная. Да и наконец, какая почившему, независимо есть ли что-то после смерти или нет, вообще разница, что о нем говорит кто-либо. Зачем же мы обеляем мертвецов?

Таня остановилась возле магазина. В свете лампы над входом блестела шерсть кота, сидевшего на крыльце и вальяжно жевавшего сосиску. На балконе квартиры, располагавшейся над магазином, курил оплывший мужик, чем-то похожий на Броскова. Мимо прошла старуха, цыкая зубом. Снег запал за воротник.

«Как же погано», – подумала Таня.

А снег был такой чистый, кот такой довольный и старуха такая милейшая и безобидная, что очень хотелось плакать.

Пленэр

От станции пришлось ехать на автобусе. Душный, с мутными, обсыпанными желто-зеленой пылью стеклами, он пошатываясь ехал по плавящемуся асфальту дороги. Никита постарался перехватить свои сумки так, чтобы никого не задеть, в особенности дородную даму, расположившуюся возле него.

Никите Березову было двадцать семь. Он был модным художником, хотя и выглядел несколько не соответствующе – коренастый, широкоплечий, с маленькими карими глазами, бородой и растрепанными после долгой поездки темными волосами. Он одевался даже не винтажнo, а просто старомодно. Под ногтями у него почти всегда каким-то неясным ему самому образом скапливался акрил, и при разговоре с кем-либо он, сам порою того не замечая, пытался выковырять его ногтем большого пальца.

Скоро в Москве у него открывалась новая выставка, к которой Никите полагалось) готовиться. Однако, когда ему оставалось нарисовать еще около десятка картин, вдохновение, как назло, скрылось в неизвестном направлении. Отказавшись от поисков беглеца, Никита отправился по вечеринкам и чужим выставкам, не продвинувшись за почти два месяца ни на движение кисточки. И в один день Березов принял единственное, как ему казалось, решение – собрал вещи и уехал в деревню, в дом тети и бабушки. Обычно бабушка жила там круглый год, а тетя все лето, но не так давно у бабушки был обширный инфаркт, и в ближайшее время дамы загород не собирались.

Дом почти не изменился с детских лет Никиты. Только сад весь зарос недружелюбно настроенными неразлучными подругами – малиной и крапивой, а теплица теперь стояла разбитая и разрушенная, но, кажется, весьма собой довольная. Двухэтажный дом, с большой закрытой террасой, деревянными резными украшениями и окнами от потолка до пола на втором этаже. Внутри дома все дышало холодом и сыростью, и Березов, бережно ступая по выцветшим доскам пола, вспомнил, как весной приезжали на дачу впервые за сезон и как все точно так же пахло. Еще он вспомнил – когда приезжали, сразу садились пить чай с творогом, сметаной и сахаром. А у него с собой только всякие пакетики с едой быстрого приготовления, чтобы надолго не отвлекаться от искусства. Бабушка была бы недовольна.

На втором этаже и планировал устроить свою мастерскую Березов. Здесь он прислонил к пыльным шкафам тубусы, нечаянно что-то задел и поднял вихрь пыльных хлопьев. Пришлось закашляться и открыть окно. Потом он, повинувшись порыву души, лег на пол, и сквозь майку почувствовал приятный холод, шедший от досок. За лесом прошла электричка, и пол слегка задрожал. В голове приятно гудело.

Настойчиво запиликал в кармане телефон. Он посмотрел на загоревшийся экран. Саша. Выяснить отношения сейчас хотелось меньше всего, и он сбросил звонок. Потом разберется.

– Надежда Лексевна, приехали?

Надеждой Алексеевной звали бабушку Никиты. Березов безрадостно потянулся, поднялся и высунулся в окно.

Под забором стоял среднего роста мужичок, в бежевой кепке и старой клетчатой рубашке. На его морщинистом лице выделялись большой широкий нос и интеллигентно-тоскливые глаза. Рядом с ним послушно сидел черный королевский пудель, вальяжно выкусывающий что-то у себя на лапе. Никита без труда узнал в нем соседа, Ивана Михайловича Сапожников. Сапожников и его жена часто заходили к бабушке с дедушкой выпить чаю, а когда дедушки не стало Иван Михайлович помогал бабушке с тяжелой работой по дому – нарубить дрова, починить крыльцо, спилить ветки яблонь.

– Здравствуйте! – приветливо крикнул Никита. – Это я, Никита. Бабушка все еще болеет.

– Никитка, ничего себе ты вырос! – удивленно выдал Сапожников достаточно предсказуемую фразу.

– Вы заходите, заходите. Я сейчас чаю сделаю.

Приготовление чая затянулось. Сперва Никита долго разбирался с шитком, потом примерно столько же отмывал посуду и уже на грани отчаяния пытался найти чайные пакетики. Все это время Иван Михайлович умиротворенно сидел на табуретке в углу террасы и рассказывал свои истории из жизни, благо рассказать было о чем. Сапожников много где побывал и много что видел. Бабушка говорила, что он был шпионом. Сам Березов охотно верил в это. Он вообще весьма охотно во что бы то ни было верил. Наконец, они выпили чаю, и Иван Михайлович, с неочевидно грустным выражением лица, ушел к себе, предварительно пообещав заходить.

Березов поднялся наверх, распаковал холсты, этюдник и краски и расставил это все по комнате. И как только все оказалось на своих местах, он почувствовал навалившуюся на него дремоту.

«Всего восемь вечера, что это со мной? – почему-то совсем не удивился он. – Наверное, кислородное отравление».

Он перекусил лапшой быстрого приготовления, выпил еще чаю и пошел спать. Сперва он думал лечь в комнате бабушки, но в результате лег в своей старой комнате. Ощущения были довольно странные. Не так давно он лежал здесь же, набегавшись за день по лесу и накупавшись в речке, и вслушивался в гудки поездов, идущих на Ригу. Стоило ему подумать об этом, как из-за леса донеслись гудки, и он тут же уснул.

На следующее утро, начавшееся для него около полудня, Никита понял, что завтракать чаем и печеньем ему не нравится, и лучше бы сейчас на столе стояли кофе и яичница. Ингредиентов ни для того, ни для другого не было. По плиткам дорожки с недовольным видом скакала трясогузка. Березов оделся и пошел в местный магазин.

Магазин находился на соседней улице. В его, Никитином, детстве все называли магазин лесным, и название настолько прижилось, что теперь гордо красовалось на вывеске. Сколько он себя помнил, за кассой всегда стояла одна и та же полная армянская нестареющая женщина.

– Никогда бы не подумал, – признался ей Никита, уже перед оплатой продуктов, – что буду в этом магазине расплачиваться картой.

– А как же! – улыбнулась она ему, хищно сверкнув золотым зубом. – И у нас прогресс.

Не успел он позавтракать, как к нему постучался Иван Михайлович.

– Никита, ты прости меня, что я тебя беспокою, – тут Никита, разумеется, вставил, что о чем вообще идет речь и что конечно не беспокоит, – но у меня спину прихватило, а дрова как раз закончились. Ты не поможешь?

– Как не помочь, когда вы же меня колоть дрова и учили, – улыбнулся он. Мысль о том, что написание картин придется отложить укололась об его совесть, но неискренне, больше для галочки.

Участок Ивана Михайловича оставался таким же аккуратным и ухоженным, каким его запомнил Березов. Те же парники, собранные из оконных рам, те же ровные, высаженные в ряд яблони, тот же зеленый небольшой дом с деревянным попугаем над входом. Единственным прибавлением на участке стали две девушки, светленькая и темненькая, сидевшие на деревянной скамейке возле клубничной грядки. «Довольно приятное, – подумал Березов, – прибавление».

– Моя внучка Оля и ее подружка Катя, – представил их Иван Михайлович, – студентки педагогического. Девочки, это Никита, я вам о нем говорил.

Девушки улыбнулись ему, потом переглянулись и умчались на открытую террасу. Никита, поглощенный колкой дров, краем глаза видел, как те чистят картошку, рубят мясо

и нарезают овощи. Когда с дровами были покончено, и он собрался идти к себе, дорогу ему преградил большой черный пудель. Никита попытался его обойти – пес зарычал.

– Жужа, фу! – закричала светленькая, Оля, с террасы. – Что за вредная собака. А вы что, уходите?

– Да, дрова нарублены и сложены в поленницу. Если больше от меня ничего не нужно...

– Дедушка сказал, что вы останетесь на ужин. Вы же останетесь? – Никита не был уверен, было ли это вопросом. И он остался.

Домой он пришел поздним вечером. Они с Иваном Михайловичем немного выпили, и теперь его развезло, так что в тот вечер он вновь ничего не написал.

На следующий день он проснулся рано, с чугунной головой на подушке. Сначала не понял чья, думал ночью в скульпторы подался – потом дошло, что голова его собственная. В связи с этим открытием ему пришлось идти на первый этаж и искать питьевую воду. Потом, чтобы проснуться по-настоящему, Никита выпил три чашки кофе и съел вареное яйцо. По окончании завтрака, он поднялся в свою импровизированную мастерскую.

Наверху его по-прежнему ждали одинокие прямоугольники холстов. На одном из них у Березова сами-собой начали вырисовываться девушки, картошка, которую они чистят и большой черный пудель. Стоило ему закончить набрасывать фигуры, как внизу послышался какой-то шум.

– Никитка, вылезай! – задорно вынудил его высунуть голову из окна старушечий голос. Мудрые как мойры и морщинистые как шарпеи, возле калитки стояли три старухи – Марина Алексеевна, Зинаида Петровна и Людмила Дмитриевна, подруги его бабушки. Марина Алексеевна была высокая и сухая, всегда строго одетая в что-нибудь черное или темно-синее, закрывающее локти и в джинсах. Она курила как труба ТЭС. Зинаида Петровна красила короткие волосы в нежно-фиолетовый, носила розовые со стразами очки и майки с безумными принтами. Людмила Дмитриевна выглядела моложе всех своих подруг, хотя была старше их на три года. Она всю жизнь проработала учительницей французского в школе и в свои восемьдесят семь продолжала давать частные уроки. Все три были нагружены клеенчатыми клетчатыми сумками.

– Здравствуйте, девушки! – завопил им радостный от вернувшегося вдохновения Березов. – Разрешите вылезти по лестнице и через дверь, а не в окно?

– Разрешаем, – хмыкнула Людмила Дмитриевна (она была негласным лидером троицы), и добавила вслед исчезающей в оконном проеме голове: – Балаболом был, балаболом и остался.

Как только он спустился в сад, его тут же взяли в кольцо и завалили таким потоком вопросов, какого не бывало ни на одном интервью. Главным, произнесенным дамами хором и наиболее сурово оказался «Что ты тут ешь?». Стоило им услышать о непотребном на их взгляд рационе Никиты, как он был оттеснен в сторону и дамы торжественно удалились на кухню. Все, что, как он решил для себя, ему оставалось – забиться на все тот же второй этаж и продолжить работу над картиной. На окно села трясогузка, критически осмотрела его холст и, помахав хвостиком, улетела дальше по своим птичьим делам. Березов смешал на куске картона краску, чей цвет он от безделья окрестил «картошечным». Рисовать было уже невыносимо, весь дом был заполнен запахами котлет, супов, пирогов с капустой, особенно запах жаренной начинки пирогов, и компота из яблок и лимона и еще бог весть каких ароматов. Все это дополнялось гаммой звуков, которые любому голодному уху в сотню раз приятнее любой классической симфонии, такими как шкворчание масел, жиров и соков, бурление супов и шипение компота. Никита оставил картину сохнуть и спустился вниз.

– Никитка, садись, кушать будем, – скомандовала Марина Алексеевна. Дважды приглашать не пришлось.

Отвалившись на стуле, прихлебывая чай и приятно осознавая тяжесть в животе, по окончании трапезы Березов спросил:

– Как я могу отблагодарить вас?

– Да какая благодарность, Никит, – махнула пухлой ручкой Зинаида Петровна. – Мы как узнали, что у тебя тут есть нечего...

– В гости заходи, – перебила ее Людмила Дмитриевна.

Никита пообещал зайти. Весь оставшийся день и почти всю ночь он рисовал трех старушек на кухне, а утром просыпал кофе, пытаясь заварить себе очередную кружку. Пить то, что он подмел, не хотелось, и он снова пошел в магазин. На кассе его поприветствовала неизменная кассирша:

– Гадость растворимую покупать будешь? Давай я тебе нормальный сварю. Мы же теперь еще и чуть-чуть кофе.

– Как это, чуть-чуть? – не понял Никита, за что был одарен чрезвычайно заговорщицкими взглядом.

– Для кого – кофе, для кого – нет. Понимаешь?

Он не понял, но на всякий случай кивнул. Его посадили за пластиковый столик на улице, где стояла пепельница из консервной банки и дремал кот, а кассирша ушла в дверь за кассой, варить кофе в турке на электроплитке. Потом они пили кофе, и кассирша рассказывала про свою жизнь и про жизнь деревни вообще. Что у одних сын-дурак, чтобы не сдавать ЕГЭ пошел в колледж, вылетел оттуда и все равно в армию пошел, да так там и остался, теперь в академии Фрунзе, говорят, учится; у других недавно украли статуи девочки с флейтой и мальчика с горном, еще в девяностые взятых с развалин пионерского лагеря; а дети Рыбешковых вообще сов прикармливать стали.

Переполненный впечатлениями, Березов направился к своим старушкам-благотельницам. И обнаружил, что у самих дам дел на участках хватает на все его оставшееся время пребывания за городом. Обнаружил и активно эти дела взялся. Косил траву, носил воду, рубил дрова, красил сарай – мало ли дел можно найти? Вечером заходил Иван Михайлович, курил и рассказывал байки, половину которых придумывал, разумеется. А ночами он рисовал. На холстах появлялись дети, летящие в небе с совами, солдат на крыше деревенского дома, убегающие куда-то мальчик с горном и девочка со скрипкой, большая женщина с маленькой туркой.

В день отъезда он зашел к Ивану Михайловичу, попрощаться и подарить одну из картин, благо написал он в разы больше, чем предполагал, и уже успел такими же подарками порадовать старушек.

– Все-таки скажите, Иван Михайлович, неужели вы, когда я вам чай пытался заварить, решили, что в одиночку я не справлюсь, и надо звать подмогу?

– Я *знал*, что ты не справишься, – ухмыльнулся старик, – и что они будут рады помочь. Еще я *знал*, что у них самих по участку много тяжелой работы, с которой я в силу своего старикашества им уже не помогу. А *решил* я вас объединить. И что, плохо получилось, что ли?

– Хорошо получилось, – улыбнулся Березов.

И с неохотой уехал в Москву.

Поезд

В Москве было невыносимо. Накануне прошел дождь, прибив пух, щекотавший нос к земле. Теперь же всюду разгорелось солнце, пар поднялся с луж и превратил город в сауну. Воздух дрожал над асфальтом. Кошки и собаки куда-то попрятались. Только голуби урчали в поисках хлеба.

Леониду Болбухину изначально ехать в столицу не хотелось. Да, всероссийский форум журналистов. И что теперь? Вдруг он, главный редактор газеты «Наш Канаш¹», будет выглядеть глупо на фоне московских коллег. Жена уговорила. Сказала, что всем будет плевать. Леонида почему-то это успокоило. Сам форум прошел светски-пресно. Леонид молчал, улыбался,

¹ Город в Чувашии, население на 2017 – около 45,5 тыс. человек

кивал, жал руки, снова улыбался, качал головой и все думал, когда же это закончится. И опять же, эта погода.

Леонид надеялся, что вечером станет полегче. Надежды частично оправдались – жара спала. Только сам Леонид приехал на вокзал и теперь мучился от запаха угля. Он очень не любил этот запах, напоминавший какие-то копчености. Ждать посадку было еще долго – он приехал сильно заранее. Он вообще все всегда старался сделать заранее. В школе всегда заранее делал уроки, иногда до того, как их вообще зададут. На Даше женился заранее, до того, как понял, что любит. Сына отдал в школу в шесть лет – чтобы потом не забыть.

Леонид бесцельно бродил по зданию вокзала. Потом вышел на улицу и оказался окружен неприятной пестротой ларьков. В одном из них он купил пирожок с картошкой – самый безопасный вариант, не то, что какой-нибудь с мясом или творогом. Пирожок был таким жирным, что, казалось, масло льется прямо из него, пропитывая его самого, салфетку, в которую он был сиротливо завернут, и Леонида. Последний ел пирожок и думал о жене и о грядущей изжоге. Нет, он не соскучился ни по одной из них. Просто первая пекла пирожки лучше и от них не было второй. Впрочем, если он задумался об этом, может, все-таки соскучился?

Когда пришло время, он загрузился в свое купе. Обычно он ездил плацкартом, особенно если ехал с семьей. Но в этот раз Леонид билеты купил в последний момент и места в плацкарте было два – верхнее боковое возле туалета и еще одно, приличнее, но кассирша Элиме, школьная подруга его жены, доверительно сообщила, что в этом вагоне будут возвращаться казанские школьники. Болбухин не любил ни школьников, ни школу. Пришлось ехать в купе. Из-за этого он испытывал чувство вины: дети у него в купе никогда не ездили, а он – едет. Даже Даша вечером перед отъездом посмеялась, мол, в свадебное путешествие они тогда в Геленджик плацкартом добирались, а тут с конференции поедет как важный человек. Леонида это задело: во-первых, она сама его уговорила ехать, почему же теперь *как* важный человек; во-вторых, его и так уже мучила совесть, и жена об этом прекрасно знала.

В купе он ехал на нижней полке. Никогда не любил лезть на верхнюю. Вскоре за ним зашла пара – среднего роста лысеющий грузный мужик и высокая коротко стриженная женщина. Обоим было навскидку лет по сорок пять.

– Миша, закинь вещи под полку.

– Сам знаю, не учи ученого.

– Слушай, ученый, ты подними ее хотя бы. Да не так. Куда ты тянешь ее?

– Вер, не лезь под руку, ради бога. По дороге сюда я же все сделал? И сейчас сделаю.

– С ним всегда так, – по-девичьи, и от этого неестественно, Вера надула губы и повернулась к Леониду. – Давайте знакомиться, я Вера, этот колобок – мой муж, Миша.

– Леонид. – коротко ответил он, пожимая крупную ухоженную руку. Миша тем временем все еще боролся с полкой. Болбухин открыл рот, желая предложить помощь, но тут же передумал. Незачем это. Вместо этого он обратился к Вере:

– Куда едете?

– Казань, – с удовольствием ответила она, – мы вообще оттуда. В Москву мы так, за новыми культурными впечатлениями. Но этот ужасный человек, разумеется, как всегда, потащил меня в Третьяковку и в кремлевские музеи.

– Что же плохого в Третьяковке? – улыбнулся в усы Леонид.

– Вот именно, Леня, ты совершенно прав! – радостно обернулся к ним Миша. Он весь раскраснелся и вымок. Болбухин удержался, чтобы не поморщиться – ему не нравилось, когда с ним панибратски переходили на «ты».

– В Третьяковке нет ничего плохого, замечательный музей, – проигнорировала мужа Вера. – Но поймите, мы там бываем каждый раз, когда приезжаем в столицу.

– Можно подумать, мы с тобой так часто бываем в Москве.

– Чаще многих моих подруг и коллег...

В этот момент дверь купе снова отъехала и вошел молодой высокий мужчина. Окинул купе взглядом, задержав его лишь на Вере, при виде которой он приподнял бровь. Потом кинул кожанку на место над Леонидом и отодвинул Мишу:

– Давай помогу, друг, – и легко поднял полку.

«Зачем он это сделал?» – Болбухин рассматривал нового попутчика. У того было приятное лицо. Такие люди обычно к себе располагают. Определенно, он выглядел куда обаятельнее раскрасневшегося потного Миши. Последний смерил своего помощника недобрым взглядом и процедил:

– Не помню, чтобы просил о помощи.

– Прости, не хотел обидеть, – и он улыбнулся так, что Леонид почему-то подумал: «Хотел».

– Вам совершенно не за что извиняться, – Вера нежно и легко коснулась руки нового знакомого, так быстро, что Миша, кажется, ничего и не заметил. – Лучше давайте знакомиться. Вера.

– Очень приятно, Ибрагим, – на этот раз в лице уже не читалась издевка, улыбка была искренней.

«Ему она Мишу не представила», – подметил Болбухин. Тот в свою очередь делал вид что ничего не видит и не слышит, загружая чемоданы под полку. Хотя, конечно, он мог действительно увлечься. Тем временем Болбухин протянул руку Ибрагиму:

– Леонид.

– Рад знакомству, Леонид, – эта улыбка была чуть менее радостная, чем та что была адресована Вере. Впрочем, вряд ли тут можно осудить Ибрагима. Он встряхнул руку Леонида резким рукопожатием, от чего у журналиста заныло где-то в лопатке.

– Куда Вы едете, Ибрагим? – поинтересовалась Вера.

– В Казань, я сам оттуда. В Москву так, на переговоры ездил.

– Мы с мужем тоже. А Вы, Леня? – безучастно обратилась она к нему. Впрочем, Болбухин ценил вежливость.

– Канаш.

– Почему отправка задерживается? – спросил Миша «в воздух».

– Вот пойд и узнай, – Вера отмахнулась от мужа как от назойливой мухи. Отдадим ей должное, на муху тот и был похож. Миша вытер пот со лба мятым клетчатый платком и вышел.

Поезд ехал уже около двух часов. В коридоре с неблагозвучными воплями бегали дети, успевшие за это время познакомиться и стать друзьями на всю жизнь. В соседнем купе тетка, резво переодевшаяся в ситцевый халатик вырвиглазного оттенка, делала себе пятый бутерброд с копченой колбасой и сыром и попутно объясняла попутчицам – тощим студенткам, почему у нее дочка – разведенная домохозяйка и внучки умницы, а сын, содержащий всю семью, включая сестринскую, идиот и в жизни ничего не добился. Студентки молча слушали, так как тетка кормила бутербродами и их тоже. Из другого купе уже доносился храп.

Вера с Ибрагимом болтали о книжках и фильмах, сходясь на общепринятом в любом интеллигентном обществе мнении, что всё говно и все уроды. Миша пытался встретить, но никто его не слушал. Тогда он вставал и уходил в вагон-ресторан, откуда возвращался все менее трезвым. Сейчас он ушел в третий раз и уже долго не возвращался.

Болбухин, не в состоянии терпеть высокоинтеллектуальные беседы, ушел подальше ото всех в тамбур, смотреть в окно. Мелькали живые и засохшие деревья, целые и разваленные дома. Леонид стоял и размышлял, что же ему казалось таким чудным в разговоре Веры и Ибрагима. В голову не шло ни одной путной мысли. Дверь тамбура открылась и из нее вывалился почти не стоявший на ногах Миша.

– Леня, дружище! – он нелепо вскинул руки. – Как я рад тебя видеть.

Как именно Миша рад, Леонид уточнить не успел, потому что громкоговоритель загнусавил:

– ... подожди, объявление сделать нужно. Кхем. Уважаемые пассажиры и, прости господа, пассажирки. Станция N. По техническим причинам стоянка, чтоб её, двадцать минут. Повторяю...

– Пойдем покурим? – предложил Болбухин.

– Мои сигареты в купе, – помрачнел Миша. Леониду стало его даже жалко.

– Ничего, угощаю. Пойдем.

На платформе Леонид пожалел, что не взял с собой свитер. Он поежился.

– Эх, сейчас бы выпить, – мечтательно затянулся Миша. Пить с ним журналисту не хотелось, но другой компании у него не предвиделось, а выпить во внезапно нахлынувших холоде и сырости ему захотелось.

– Так давай выпьем.

– Хороший ты мужик Леня, сразу мне понравился, – Миша попытался похлопать Лению по плечу, чуть не потеряв равновесие, – не то что... хотя, неважно. Слушай, вон там – видишь? – магазин кажется. Я там лучше выпить куплю. В этом вагоне-ресторане не люди, а бесы какие-то. Знаешь, как цены задрали?

Когда Миша ушел в магазин, Леонид, рассудив, что свитер все-таки лишним не будет, пошел обратно в купе. Дверь была приоткрыта, из-за нее доносились уже не такие радостные голоса. Конечно, в детстве Леониду говорили, что подслушивать нехорошо. Ему вообще много чего говорили. Что же теперь, запоминать все?

– Я еще раз тебе повторяю, – голос Ибрагима был тих и неприятно спокоен, – я понятия не имел, что мы поедем в одном поезде, тем более – в одном вагоне.

– Ты не сказал «в одном купе».

– Не сказал. Я увидел тебя, садящуюся в поезд, и договорился с проводницами – все равно эта полка была свободна.

– Зачем?

– Хотел быть рядом с тобой, разве не очевидно?

– Мой и так меня подозревает по поводу и без...

– Ты могла ведь со мной вести себя более отстраненно, раз уж тебя так беспокоит мнение мужа.

– Могла бы.

Из купе доносились звуки мычания и чавканья поцелуя. Леонид развернулся и пошел на платформу. Миша еще не вернулся. Было все еще холодно.

«Я хочу взять свитер. Какого черта я стесняюсь, как будто бы это я, а не они...»

Он нарочно сильно топал, подходя к купе, и медленно открывал дверь. Это не помогло – он застал Ибрагима застегивавшим ширинку, а Веру – надевающей майку. Делая вид, что не видит их, Леонид принялся рыться в своем рюкзаке. Хорошо было бы быстро забрать свитер и так же быстро уйти. Но тот, как обычно и бывает, валялся на самом дне. На плечо Болбухину опустилась тяжелая рука.

– Покурим? – отрицательного ответа, судя по тону Ибрагима, не предполагалось.

В свитере на платформе казалось теплее.

«Хорошо, – подумал Леонид, – что Даша мне его положила».

– Мы с ней уже давно вместе, – Ибрагим прислонился спиной к столбу, – несколько лет. Я был ее студентом, потом аспирантом. Она до сих пор держится со мной как с младшим по званию.

«Надо будет купить домой селедку. Сто лет не ел селедку. Странно, почему?»

– Леонид, я могу вас попросить не рассказывать о том, что вы слышали?

– Можете.

Ибрагим посмотрел на него с недобрым удивлением.

– И вы не расскажете?

– Не расскажу, – честно и безразлично ответил Болбухин.

«И хлеба к ней купить черного. К селедке очень вкусно черный хлеб. Черный хлеб вообще вкусно. Бабушка в детстве маргарином мазала и сахаром посыпала. Вкусно было».

– Надо же, – развеселился собеседник, – а я-то уже подумал, что вы с *этим* подружились. Ну, или сочувствуете ему. Или, может, вы меня боитесь?

– Я вас совершенно не боюсь, – чуть менее честно возразил Леонид, – и не особо сочувствую Михаилу. Мне все равно.

Они докуривали в странном молчании. Потом Ибрагим хлопнул Болбухина по плечу и поднялся в вагон. Неподалеку компания бритых ребят обсуждала футбол, что-то про кубок конфедерации. Грузная женщина, вышедшая из одного с ним вагона, что-то яростно втолковывала кому-то по телефону.

«Почему, все грузные женщины объясняют всё с ожесточенным энтузиазмом?» – подумал Леонид. Еще он думал о том, что уже согрелся от свитера, но выпить все еще хочется. Тем временем вернулся Миша. Холод улицы взбодрил его, а заодно слегка выровнял его походку. Он вытащил из-за пазухи бутылку водки, печенье и два мятых пластиковых стаканчика.

– Они у меня в куртке лежали, – оправдывался он, разливая водку, – не помню уже как там оказались. Но это ничего, можно не мыть. Водка, она же стерильная. И стаканы очистит, и нас – изнутри. Ну, будем?

Они чокнулись и выпили, под неодобрительный взгляд грузной тетки. Леонид кашлянул и захрустел печеньем.

– Ты думаешь, – Миша противно причмокивал печеньем, когда говорил, – я не знаю, что эта курица гуляет? Я все прекрасно знаю. В молодости чуть не побил ее. Но у нее брат тогда боксом занимался, здоровый такой был. Испугался я, в общем. Брата уже три года как похоронили, а бить уже и не хочется.

– Так почему не разведетесь? Любишь? – по привычке спросил Леонид. Он привык раскручивать на длинные монологи, хотя и ненавидел их.

– Нет, привык, наверное. Я вообще-то не совсем лох какой-то. У меня в институте студенточка есть, миленькая такая. Ей «презерватив» если сказать, уже засмущается. Научную работу в том году у меня писала, у нас все и завертелось. Подожди, давай еще по одной, – выпили. – Соседка еще есть. Тоже к ней не лампочки менять хожу. Вроде бабе за сорок, а она фору студентке той легко даст. Жалко, сын соседский дома часто ошивается, за компом сидит. И обе, представь себе, ждут, что я с женой разведусь. Идиотки. А зачем мне с ней разводиться? Потом, она-то меня любит. Да, любит, я знаю. Флиртует с другими, хочет на себя внимание обратить, чтобы я ее, значит, ревновал. Я ее давно раскусил. Думает, она умнее меня. Черта с два. Давай выпьем еще.

Леонид сошел в Канаше настолько поздно ночью, что можно сказать, что утром.

«Жаль, – подумал он, закуривая, – что магазин закрыт сейчас. На вечер обязательно куплю селедки и черный хлеб. Еще лучку бы к этому нарезать. Красота».

Миша родился на полчаса позже своей сестры Маши. С этим он никогда не желал мириться, но иного выхода, конечно, не было. Маша росла бойчее и здоровее, в школе была старостой класса, бегала быстрее всех в эстафетах – словом, делала все, чтобы насолить брату. Жили они с ней в одной комнате с бабушкой, во второй – родители, в третьей – «зала». Когда он рассказывал об этом будущей жене, Вере, та скривилась. Ей не нравилось простонародное слово «зала», и она не понимала, почему нельзя было вместо нее сделать спальню для кого-то из детей, либо для бабушки. Миша пожимал плечами.

– И как же ты, – кокетливо выпускала кольца дыма Вера, – справлялся с нуждами пубертата?

– В туалете.

Вера звонко хохотала. Она росла в старом деревянном доме на улице Эш Урам, и у них с братом были свои «комнаты». Точнее, была одна большая, перегороденная двумя шкафами. «Зато, – думал Миша, – у нас было электричество и прочие блага цивилизации».

Мише никогда не нравилось делиться игрушками. Ему хватало того, что все, кроме солдатиков, у них с сестрой было общее. У сестры еще был пупс. Он боялся, что мальчишки, которые возьмут поиграть солдатиков, больше их не вернут.

– Михаил, – строго смотрела на него поверх очков с толстыми линзами мать, – не вздумай жадничать. Ты знаешь, я не терплю жадин.

И Мише приходилось делиться. Мальчишкам во дворе он не нравился, и солдатиков они возвращать не собирались. А сам он спросить опасался.

«Я не трус, – думал он в туалете, стараясь сглотнуть ком в горле, – я не трус, я просто выше этих выяснений. Если они сами не понимают, что чужое возвращать нужно, значит сами дураки».

Он думал о том, что зарыдать теперь будет ужасно. Хуже было бы только зарыдать во дворе. Или перед мамой. Но он ошибался, худшее было впереди. О пропаже солдатиков узнала Маша, и лучше бы она рассмеялась ему в лицо. Она же встала, ушла и вернулась через пятнадцать минут с солдатиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.